

Цена отдельн. № в Москве, провинции и на жел.-дор. ст. 5 копеек.

Год издания 8-й.

ИЗВЕСТИЯ

Центрального Исполнительного Комитета
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
и
Всероссийск. Центральн. Исполнител. Комитета
СОВЕТОВ
Рабочих, Крестьянских и Красноарм. Депутатов.

К 20-летию со дня смерти А. П. Чехова.

Чехов в наши дни.

1.

Кажется совершенно невероятным, что это дня смерти Чехова нас отделяет всего лишь два десятилетия, а между тем, что может быть более меж собой несхожего, чем старая — «чеховская» — Россия и та Республика Советов, которая выросла на ее обломках.

Чехов умирал в Ваденвайлере под грохот японских пушек, громивших Порт-Артур и потопивших в холодных водах Цусимы дырявую пану эскадру. Трагический фарс российского самодержавия доигрывал на сцене истории свой последний акт, или, точнее сказать, — начинал пролог к февралю — октябрю 1917 года. В 1904 году вместе с Чеховым началось умирание чеховской России. И если смотреть на Чехова, как на художника, изображавшего почти исключительно российского интеллигента «среднего пошиба, с его сволочным духом» (слова самого Чехова), то надо признать, что Чехов умер во время. Произошло то самое, о чем он почти пророчески говорил в отрывке из своего незаконченного рассказа:

«Великие события застанут нас врасплох, как спящих дев, и вы увидите, что купец Сидоров или какой-нибудь учитель уездного училища из Ельца, видящие и знающие больше нас, отбросят нас на самый задний план, потому что сделают больше, чем все мы, взятые вместе. И прежде, чем заблестит заря новой жизни, мы обратимся в жаловещих старух и стариков и первые с ненавистью отвернемся от этой зари и пустим в нее клеветой».

Обреченный на жизнь «не среди народа», а «только на Малой Дмитровке», откуда можно было наблюдать лишь прозябание «слизняков и мокриц, которых мы называем интеллигенцией» (из письма Чехова А. С. Суворину 27 декабря 1889 г.), Чехов еще в 1891 г., т.-е. за десять с лишним лет до своей кончины, с горечью восклицал:

«Если я врач, то мне нужны больные и больницы; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах, без природы, без людей, без отечества, без здоровья, аппетита, — это не жизнь, а какой-то б... и больше ничего». (Письма Чехова, т. 3).

Его судьба в сущности была глубоко трагична. Всю жизнь стремиться к людям подвига и деятельной веры («Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно», писал Чехов), и стать изображателем той самой интеллигенции, герои которой дали ему оригиналы для «Лаевских, дядей Ваней, учителей Беликовых» и всяческих «нытиков и пыжиков», и о которой он так презрительно сказал, что он не верит в «нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невеселитанную, ленивую», не верит даже, «когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр».

Волевая, действительная натура, активный работник, хотя бы в скромной культуртрегерской сфере земской, врачебной и просветительной деятельности, всегда бодрый, всегда жаждущий новых впечатлений, неутомимый путешественник, ненавистник неправды и зла, не словом, а делом умеющий отвечать на насилие (вспомним демонстративный уход Чехова из академии после изгнания из нее М. Горького), Чехов был полярен «унылой, бесцветной интеллигенции с ее вялой душой, вялыми мышцами, отсутствием движений, неустойчивостью в мыслях». (Письма Чехова, т. 2, стр. 478). Но он вынес и самому себе, и своему поколению жестокий приговор: он и о себе, и о писателях-современниках сказал, что никто из них в «своем творчестве не дал миру ни одной капли алкоголя».

Пожелав стать до конца объективным и это поставив себе в заслугу, Чехов при-

нуждал себя мыслить и чувствовать так, как мыслили и чувствовали его «герои». Темперамента и страсти не было в том, что он написал. Ему надоело кислячество, он знал, что русскому обществу пора начать «желать»: «ему, прежде всего, нужны желания, темперамент». Он пронизательный художник, врач-аналитик, человек здорового материалистического мировосприятия, ясно видел, что «наше общество утомлено, от ненавистничества оно ржавеет и киснет, как трава в болоте. Ему хочется чего-нибудь свежего, свободного, легкого, хочется до смерти», но вместе с тем он многого не видел и не понимал: он утверждал, например, что «революция в России никогда не будет», а рабочего движения он попросту не заметил (о рабочих вообще только мимоходом, в двух-трех рассказах), а социально-политические пожелания его не шли дальше скромной конституции «со свободой печати и совести», которая, как мыслил Чехов, создаст «возделенное спокойствие», — оно, правда, «продолжалось бы не особенно долго, но на наш век хватило бы». И вырваться самому из затхлого болота российской обывательщины и созданного им того символического города, где только «пьют и едят, от скуки рожают детей и лгут», и указать путь другим, как избавиться от «пирога с капустой и жареного гуся», он не мог, да и не знал в конечном счете, что предложить взамен старого быта с его поэтическими вишневыми садами. Его программа, — его этика и философия, — сводилась к следующему:

«Мое святая-святых. Это — человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение и абсолютнейшая свобода — свобода от силы лжи, в чем бы последние две ни выражались».

Взамен ясно указанных целей и стремлений — расплывчатая идеология, не опирающаяся ни на какую «норму». «Что такое норма, мне неизвестно», — определенно указывает Чехов.

Но Чехов, сам того не сознавая, сделал огромное дело: он способствовал окончательному разложению быта российской интеллигенции. Его рассказы, с необычайной силой и яркостью этот быт и его нравы запечатлевшие, воспитали целое

поколение в лютой ненависти к чиновникам Лаевским, профессорам Серебряковым, врачам Ионычам, архитекторам Ползиковым. Будущий историк-социолог, изучая весь комплекс причин, ведущих к неизбежной гибели и распаду чеховскую Россию, не сможет пройти мимо Чехова: в его произведениях найдет он драгоценнейшее свидетельство, оставленное крупнейшим художником России конца девятнадцатого века, удостоверяющее всю лживость и дряблость, всю пустоту и отсутствие «общей идеи — бога живого человека», что было отличительным признаком того явления, которое мы называем сейчас «чеховщиной».

2.

Как художник, Чехов для своего времени был подлинным революционером, ломавшим старые формы русской прозы.

«Все мною написанное забудется через несколько лет, но пути, мною проложенные, будут целы и невредимы, — в этом единственная моя заслуга».

— пророчески указывал он. Новые пути — это создание «маленького рассказа» со сгущенным, сконцентрированным содержанием, новеллы, насыщенной психологически, но лишенной стержня действительно развивающегося сюжета. Поколение писателей — Ив. Бунин, А. Куприн, С. Сергеев-Ценский, Ив. Шмелев, Ев. Чириков (не говоря уже о сотнях Лазаревских) — прошло через чеховскую школу. Тот импрессионизм, который является ее отличительным признаком, оставался надолго господствующим в нашей художественной литературе. Русские символисты почерпнули у реалиста Чехова и смелость его метафор, и четкость скрупулезного рисунка, и меткость сравнений, и рельефность образа, и краски пейзажа, и ритмичность его лирики. Даже на поколение писателей, называющих себя «неореалистами», продолжает оказывать Чехов свое влияние: это «чеховское» не трудно уловить у Ев. Замятина, у Вл. Лидина, в простых рассказах Б. Пильняка, и даже «серапионов» не миновало это чеховское воздействие.

Чехов не был завершителем классической русской литературы. На нем почти не сказались Гоголь, Тургенев, Толстой.

«Компактность маленького рассказа» и импрессионизм формы возвращают Чехова к западно-европейской классике, к традиции Флобера и Мопассана. Знаменательно, что в американской новелле О. Генри мы находим все те же чеховские приемы, все ту же динамику его маленького рассказа. И это нас не удивляет: «чеховское» ощущаем мы и у норвежца Г. Банка, и у немца Келлермана, к Чехову стремится сейчас и проза англичан. «Новые формы»,

по которым тосковал «декадент» Треплев, были завоеваны самим Чеховым. «Читать меня будут семь лет», — предрекал Чехов. Он ошибся. Его продолжают не только читать, но и изучать, а это уже означает, что «чеховская форма», перестав быть современной, становится той необходимой ступенью, не перешагнув которую, нельзя идти вперед и выше.

ЮРИЙ СОБОЛЕВ.